

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

3. Преподобный Сергій Радонежскій.

Русская вѣра и Русская Церковь слили въ «православное христіанство», какъ *единый русскій народъ*, всѣ, раздѣлившіяся по княжествамъ и землямъ-народоправствамъ, части восточно-славянскаго населенія великой русской равнины. Эта же вѣра и эта же церковь дали и идеальную основу единому русскому *національному государству*, которое ковалось князьями и царями Московскими и которое вылилось въ величайшее политическое явленіе всего славянскаго міра, получившее имя «*Россія*».

Какое же значеніе въ дѣлѣ созданія національной Россіи, или, лучше сказать, русской національной стихіи, имѣлъ *русскій монастырь*? — Русскія обитатели были не только колонизаторами пустыхъ земель, какъ монастыри цистерціевъ въ Центральной Европѣ, но и очагами, возрастившими русскую народность.

Временемъ развитія русскаго отшельничества была особенно эпоха татарскаго ига. Въ эту эпоху на Руси основалось около 180-ти монастырей. Плѣненіе Русской Земли «языкомъ, не знающимъ Бога», совершилось, и отвѣтомъ народа на укрѣпленіе «безбожной», «агарянской» власти было прежде всего развитіе религіознаго чувства и ростъ преданности православію, вѣрѣ отцовъ, соединявшей всѣ новыя и старыя поколѣнія русскія, живущія и умершія, въ единой *Русской Православной Церкви*, которой «врата адова не одолѣютъ», какъ твердо помнилъ русскій человѣкъ.

Для защиты нашей вѣры, бывшей и основой и хранилищемъ нашей народности, русскій народъ долженъ былъ создать себѣ рядъ оплотовъ. Въ нихъ и около нихъ должны были сохраняться и возрастать сокровища его вѣры и народности. На нихъ онъ обопрется подъ игомъ власти, чуждой Святой Руси, и съ помощью этой опоры переживетъ ниспосланныя ему тяжелыя испытанія. Такими оплотами и были тѣ безъ малаго двѣ сотни монастырей, которые возникли въ вѣка татар-

скаго ига. А въ ихъ ряду первое мѣсто занимаетъ Свято-Троицкая обитель, основанная преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ.

Это мѣсто она занимаетъ не только по своему громадному значенію для тѣхъ сторонъ жизни, которыя поддаются конкретному и осязательному изученію историка, т. е. для общей исторіи Россіи, для исторіи монашества, просвѣщенія, православной вѣры и Русской Церкви. Не меньше ея значеніе и для тѣхъ глубинъ народной жизни, которыя такъ мало доступны фактическому изученію, — для переживаній души въ дни безпредѣльно - безысходной скорби и бьющей бурнымъ ключомъ радости, въ години счастья и горя - злосчастья, которыя переживали въ ея стѣнахъ и подъ ея сѣнью многіе милліоны русскихъ людей съ середины XIV-го до первыхъ десятилѣтій XX-го вѣка, всѣхъ сословій и состояній, отъ нищаго до величайшаго богача, отъ русскаго страдника до русскаго царя. Всѣ они несли въ эту обитель свое горе и свою радость. Всѣ они пролили свои слезы тоски и счастья въ старомъ Троицкомъ соборѣ у раки преп. Сергія. Всѣ они шли туда съ надеждою и вѣрою, моля о помощи, и съ теплою благодарностью за нее, молясь за себя и близкихъ, или за всю свою Родину, за общую и единую для нихъ всѣхъ, ставшую великою, созданную тяжкимъ трудомъ и талантомъ поколѣній русскаго народа, Россію.

Кто же былъ основателемъ Троицкой обители? — Къ счастью, о немъ наши источники сохранили достаточно полныя и достовѣрныя данныя, позволяющія историку совершенно отчетливо обрисовать его личность. Эти данныя не только въ отрывочныхъ извѣстіяхъ лѣтописи, но и въ цѣломъ обширномъ жизнеописаніи его, составленномъ его современникомъ и собесѣдователемъ, инокомъ Троицкаго монастыря Елифаніемъ Премудрымъ, написавшимъ также и «похвальное слово» преподобному Сергію. И, что особенно важно, это жизнеописаніе, передѣланное позднѣе, дошло до насъ не только въ передѣлкахъ, но и въ своемъ первоначальномъ видѣ. Этого мало. Сохранился и рядъ предметовъ, которыми постоянно пользовался преп. Сергій во время своей жизни: богослужебные сосуды и облаченія, его келейныя иконы - «моленья», служебникъ, съ которымъ въ рукахъ онъ совершалъ богослуженія, и другіе предметы.

Родился преп. Сергій около 1314 года, въ имѣніи своего отца, боярина Ростовскаго княжества. Варѳоломей, какъ звали преп. Сергія въ міру, вмѣстѣ съ двумя своими братьями, старшимъ Стефаномъ и младшимъ Петромъ, провелъ свое дѣтство въ самой теплой домашней обстановкѣ, которую создали въ своей семьѣ его родители, Кириллъ и Марія, люди «благородные, благовѣрные и благочестивые», какъ ихъ характеризуетъ жизнеописаніе. Семья живетъ въ полномъ довольствѣ. Сыновья были научены грамотѣ и «книжному почитанію». Съ ранняго отрочества Варѳоломей позналъ сладость молитвы, полюбилъ ее и нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ «со слезами молящеся Богу». Когда ему было около пятнадцати лѣтъ, надъ бояриномъ Кирилломъ разразилась бѣда. Новая власть, власть Ивана Калиты, подъ которую попалъ Ростовъ, столкнулась съ ростовскимъ боярствомъ. Въ числѣ пострадавшихъ отъ нея былъ и бояринъ Кириллъ. Онъ долженъ былъ покинуть Ростовское княжество и, разоренный, съ семьей, переселился въ Радонежь, удѣлъ Калитина сына Андрея.

Наступило время жизни въ бѣдности и лишеніяхъ для прежде богатой и довольной семьи. Но ея внутренняя семейная теплота отъ этого не исчезла, и семья попрежнему была полна взаимныхъ любви и ласки ея членовъ, помогавшихъ другъ другу нести тяжесть скудной жизни. Оба брата Варѳоломея съ годами женились и создали свои собственные семьи. Варѳоломей, чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалъ себя не въ силахъ бороться со своимъ стремленіемъ къ отшельничеству. Онъ проситъ родителей отпустить его «во иноческое житіе». Но они отвѣтили: «чадо! пожди мало и потерпи о наю: се бо въ старости, паче же въ скудости и въ болѣзни есмы, и нынѣ нѣсть кому послужити намъ . . . токмо послужи намъ мало, да егда наю, родителя своя, проводиши до гроба, тогда свою мысль сотвориши; егда насъ гробу предаши и землю погребеша, тогда свое хотѣніе исполниши». И Варѳоломей «съ радостію» даетъ имъ обѣщаніе не покидать ихъ. Но проходитъ нѣкоторое время, и вотъ отецъ и мать Варѳоломея сами постриглись въ монашество въ Хотьковѣ. Свою часть скуднаго послѣ нихъ наслѣдства Варѳоломей отдалъ своему женатому брату Петру, а самъ, вмѣстѣ съ успѣвшимъ уже овдовѣть и постричься братомъ Стефаномъ, пошелъ искать «пустыню», гдѣ бы поселиться для постоянной молитвы и иноческаго подвига.

Не такъ скоро они остановились въ выборѣ мѣста для своей жизни въ сплошномъ бору, по которому блуждали. Наконецъ рѣшили поселиться тамъ, гдѣ теперь стоитъ Троицкій Соборъ Лавры — «сотворша молитву, и начаста своима рукама лѣсъ сѣщи. и на раму своею (т. е. на своихъ плечахъ) бревна изношаше на мѣсто». Сначала устроили себѣ «кущу и хизину». а затѣмъ келью и церквицу. Идутъ въ Москву, къ митрополиту Θεогносту, просятъ священниковъ для освященія церкви. Просьба исполнена, и церковь освящена во имя Св. Троицы. Начинается пустынножителство братьевъ. Кругомъ дремучій лѣсъ. «пустыня» подлинная и суровая. На большое разстояние отъ поселенія отшельниковъ нѣтъ никакого жилья. «Отвсюду тѣспота и недостатки, не имущемъ ни откуда ни ястія. ни питія, ни прочихъ, яже на потребу; не бѣ бо приходяща. ни приноса ни откуда, не бѣ бо окрестъ пустыни тоя близъ тогда ни селъ, ни дворовъ, ни людей, живущихъ въ нихъ». Стефанъ не выдержалъ тяжести такой жизни и ушелъ на Москву, въ «градской» Богоявленскій монастырь. Варѣоломей остался одинъ «въ пустыни безмолвствовати», «единъ единствовати». Но онъ стремится къ постриженію въ монашество, и ему удалось упросить игумена Митрофана придти къ нему для его совершенія. Иночество принялъ Варѣоломей двадцати трехъ лѣтъ отроду, 7 октября 1337 года, въ день свв. мучениковъ Сергія и Вакха, и получилъ въ немъ то имя Сергія, съ которымъ онъ затѣмъ вошелъ въ составъ русской народной святыхи, какъ одинъ изъ основныхъ ея столповъ.

Два года преп. Сергій проводитъ въ полномъ уединеніи. «единъ живой, безъ всякаго человѣка». Какъ же онъ проводитъ эти два года? Современный ему жизнеописатель объ этомъ говоритъ: «и кто можетъ сказати труды его, ли кто доволенъ (т. е. въ силахъ) изглаголати подвиги его, како претерпѣ, единъ живой въ пустынѣ?» Кто и какъ можетъ найти выраженія. чтобы ясно и образно описать «того уединеніе, и дерзновеніе, и стенаніе, и прошеніе, и всегдашняя моленія, еже присно къ Богу приношаше; слезы теплыя и плачь душевный, воздыханіе сердечное, бдѣніе повсенощное, пѣнія трезвенная, молитвы непрестанныя, стояніе несѣдальное, чтеніе прилежное, колѣнопокланяніе частое, алканіе, жаданіе, иже на земли леганіе, нищета духовная, всего скудость, всего недостатки: что ни вспомяни, того нѣсть»

Цѣлыхъ два года преп. Сергій живетъ наединѣ со своею «церквицею», среди дремучаго бора. Непогоды осени и суровый, русскій морозъ зимы. Страхъ ночи и одиночество дня. Зовы міра, покинутаго отшельникомъ, вторгающіеся въ молитвенное его настроеніе воспоминаніями пережитаго и призывами къ земному счастью. Пища — вода изъ источника и хлѣбъ, который, надо думать, время отъ времени присылалъ изъ Радонежа преп. Сергію его братъ Петръ. Постоянными посѣтителями прен. Сергія были только звѣри—«мѣсто то было прежде лѣсъ, чаща, пустыни, идѣже живяху зайцы, лисицы, волцы, иногда же и медвѣди посѣщяху». Но «свирѣное устремленіе» ихъ смѣнилось привычкою къ отшельнику и даже дружбою съ нимъ. Самъ гнѣвливыи хозяинъ глухой чащи русскихъ лѣсовъ, медвѣдь, подружился съ отшельникомъ и сталъ ежедневно навѣщать его, лакомясь кускомъ черстваго хлѣба изъ его рукъ.

Два года жизни наединѣ съ Богомъ и самимъ собою. Два года строжайшаго надзора за каждою своею мыслью, за каждымъ своимъ движеніемъ, за каждымъ чувствомъ, за каждымъ настроеніемъ, хотя бы и самымъ мимолетнымъ. Два года неуклоннаго направленія себя цѣликомъ къ одной только цѣли — жизни во Христѣ и подвигу въ Немъ. Руководствомъ преподобному Сергію служили только двѣ, бывшія у него книги—Евангеліе и Псалтырь. Но именно эти книги, во всѣ два безъ малаго тысячелѣтія существованія христіанства и были для христіанина тѣми якорями, которые помогали ему держаться и не тонуть среди волнъ «житейскаго моря, воздвигаемаго напастями и бурей».

«Не можетъ градъ укрыться верху горы стоя» (Матѳ. V. 14). Не могъ скрыться въ своемъ уединеніи и преп. Сергій. Случайный проходъ отдѣльныхъ людей мимо его церкви и кельи познакомили ихъ съ нимъ, а черезъ нихъ пошла о немъ и молва. Начинаютъ посѣщать преп. Сергія и иноки. Находятся въ ихъ числѣ желающіе вмѣстѣ съ нимъ жить и подвижничать. Около его кельи строятъ они другія. Кельи обносятся тыномъ, «монастырскою стѣной». Возникаетъ иноческая обитель. Ей необходимъ игумень, какъ ея глава, руководитель и священнослужитель. Первымъ игуменомъ былъ приглашенъ тотъ самый Митрофанъ, который совершилъ въ 1337 году постриженіе преп. Сергія. Но черезъ годъ онъ скончался. Бра-

тія стала молитъ самого преп. Сергія принять на себя игуменство. Его отказъ заставилъ перенести дѣло на рѣшеніе митрополита; и правившій временно митрополлей, за ѣздившаго тогда въ Царьградъ св. Алексѣя, епископъ Аѳанасій возложилъ на преп. Сергія игуменство, какъ «послушаніе».

Не сложенъ перечень виѣшнихъ фактовъ жизни преп. Сергія, какъ игумена «обители Святыя Живоначальныя Троицы». Но сколько скрывается внутренней работы и переживаній подъ каждою изъ рубрикъ, въ которыя можно свести эти факты! Сколько содержанія въ простыхъ словахъ «постоянная молитва», и до какой высоты духа и прозрачной чистоты помышленій поднимался въ ней этотъ «отшельникъ, дотолѣ на Руси невиданный!» «Проклять всякъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ». Но до какой высокой ступени святости восходилъ преп. Сергій въ священномъ служеніи передъ алтаремъ! — его жизнеописаніе приводитъ недостижимые для обыкновеннаго человѣка образцы. Какъ много сказано словами жизнеописателя, что преп. Сергій руководилъ братією, «мала же пѣкними словеса наказая братію, множайшая же паче дѣлесы самъ образъ бываше братіи», т. е., что онъ не словами училъ, какъ учать, къ сожалѣнію, многіе руководители и учителя, а своимъ примѣромъ, самъ и былъ тѣмъ, къ чему призывалъ другихъ. Чтó же удивительнаго въ томъ, что «подъ крѣпкою рукою его въ повинованіи и въ послушаніи» жить и спастись стекались все новые и новые иноки? Чтó же удивительнаго въ томъ, что онъ создалъ «одно сердце и одну душу» въ Троицкой братіи и сдѣлалъ введенное имъ строжайшее общежитіе единственно возможнымъ въ основанной имъ обители? Долгое еще время въ монастырѣ постоянно была нужда и недостатки даже въ пицѣ и одеждѣ — «все худостно, все нищенско, все сиротинско». Съ этимъ борется братія трудомъ, и самъ преподобный Сергій былъ всегда образцомъ и примѣромъ. Просить милостыню было имъ строжайше запрещено.

Но не для одной братіи своей обители трудился преп. Сергій. Міряне текутъ къ нему со своими нуждами, недугами и горями. Для всѣхъ нихъ у него были готовы молитва и духовная помощь, слово утѣшенія и совѣта, ломоть хлѣба и кусокъ холста или крапенины, которые онъ отрывалъ отъ своей пицеты—«бѣ рука его простерта къ требующимъ, яко рѣка многоводна и тиха струями». И потянулся православный людъ къ

Троицкому игумену. Печаль и радость, заботы, надежды и бѣды моря «всенароднаго множества»—потекли черезъ святыя врата Троицкой обители, а съ ними вошли въ нее и нужды слагавшагося національнаго русскаго государства. Князья идутъ туда за совѣтомъ, благословеніемъ и молитвою въ дѣлахъ государственныхъ. Димитрій Донской, выступая со своею ратью въ походъ на татаръ въ августѣ 1380 года, испрашиваетъ молитвъ и благословенія преп. Сергія и получаетъ не только ихъ, но и двухъ иноковъ въ составъ своего войска, Ослябю и Пересвѣта, геройски погибшихъ на Куликовомъ полѣ и ставшихъ національными героями русскаго народа. Благословляя великаго князя Димитрія въ этотъ походъ, преп. Сергій говорилъ ему: «подобаетъ ти, господине, пещися о врученномъ отъ Бога именитомъ ти стаду; поиди противу безбожныхъ, и, Богу помагающе ти, побѣдиши и здравъ въ свое отечество съ великими похвалами возвратиши».

Къ моменту принятія Димитріемъ отвѣтственнѣйшаго рѣшенія о переходѣ войскомъ Дона для битвы съ татарами явился къ великому князю «борзоходець» Троицкаго игумена съ его посланіемъ, давшимъ Димитрію мужество для этого рѣшенія. Молитвы преп. Сергія и крестные ходы въ Троицкой обители сопровождали Донского и русскія рати во все время похода и въ страшные часы Куликовской битвы, которые игумень провелъ въ напряженнѣйшей молитвѣ. Душою онъ былъ 8-го сентября 1380 года на Куликовомъ полѣ вмѣстѣ съ русскими «православными христіанами» и, по словамъ его жизнеописателя-современника, «вся предсказоваше братіамъ бывшая святыи: побѣду и храборство великаго князя Дмитрія Ивановича, преславно побѣду показавша на поганыхъ, и отъ нихъ избіенныхъ сихъ по имени сказа, и приношеніе о нихъ всемилостивому Богу принесе». Съ преподобнымъ же Сергіемъ въ его обители молились Донской и его ратные люди, возвращаясь съ Куликова поля въ Москву, благодаря Бога за побѣду и спасеніе «всей земли Русской». Но не только въ этотъ рѣшительный, поворотный часъ національной исторіи русскаго народа, въ часъ заложенія краеугольнаго камня русскаго національнаго государства, стоялъ преп. Сергій съ благословляющею рукою и святою молитвою за создававшуюся Россію. Онъ же явился примирителемъ удѣльныхъ князей въ ихъ столь губительныхъ для народа ссорахъ и тяжбахъ, предупреждая кро-

вопролитія и налаживая «вождедѣнный миръ» и согласіе, уча объ единствѣ русскихъ «православныхъ христіанъ», какъ народа, несмотря на его раздѣленіе по княжествамъ.

Въ исторіи русскаго монашества преп. Сергію принадлежитъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Вѣдь именно онъ былъ создателемъ строгаго общинножитія въ Центральной Россіи. Вѣдь именно онъ положилъ въ ней начало постройки монастырей вдали отъ городовъ, въ которыхъ они до него ютились. Вѣдь именно онъ вынесъ иноческую обитель въ русскую пустыню, т. е. въ безпредѣльный просторъ покрытой лѣсами русской равнины. Вѣдь именно по образцу Троицкаго монастыря создавались тѣ сотни обителей, очаговъ и средоточій «русской вѣры» и русской народности по всему громадному міру сельской и деревенской народной Россіи, которая ее вскормила какъ «Землю Свято-Рускую» и освѣтили своимъ свѣтомъ. Кромѣ Троицкаго самъ преп. Сергій основалъ еще восемь монастырей, по просьбамъ князей или св. митрополита Алексѣя. Его ученикамъ обязаны своимъ возникновеніемъ цѣлые десятки обителей. Отъ нихъ пошли новые ряды этихъ хранилицъ русской святыни и народности, оплотовъ русскаго «христіанскаго», крестьянскаго міра въ его національной стихіи.

При всемъ томъ, что соединено со святымъ именемъ преп. Сергія для русскаго народа и его національнаго сознанія, кто же, если не онъ, долженъ былъ сдѣлаться самымъ дорогимъ народному сердцу изъ всего собора русскихъ святыхъ, какъ молитвенникъ и хранитель святой Руси во всѣ времена ея существованія, ибо по народному вѣрованію «праведницы и по смерти живи суть?»

Бѣдная, «сиротинская» при своемъ возникновеніи, Троицкая обитель съ годами и столѣтіями выросла въ одинъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ монастырей. Сгорѣвшую черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ кончины преп. Сергія († 25 сентября 1392 года), т. е. въ 1408 году, построенную имъ «церквицу»—замѣнилъ Троицкій Соборъ, стоящій какъ самый чтимый храмъ Лавры, до настоящаго времени. Около него выросъ рядъ другихъ монастырскихъ храмовъ. Дорогіе богослужебные сосуды и облаченія, иконы и паникадила украсили эти храмы. Громадныхъ размѣровъ достигла драгоцѣнная бібліотека монастыря. До крупныхъ предѣловъ богатства дошли и его матеріальныя средства. Деревянный тынъ, которымъ обнесъ преп.

Сергій кельи братіи, уступилъ свое мѣсто крѣпкимъ, каменнымъ, крѣпостнымъ стѣнамъ. Но измѣнившись въ своей внѣшности, Троице-Сергіевъ Монастырь неуклонно продолжалъ дѣлать свое большое православное, народное русское дѣло.

Во все послѣдующее время своей исторіи онъ продолжалъ оставаться святою сѣнью русской народной молитвы. Сотни тысячъ, вѣрнѣе сказать, милліоны нищихъ и убогихъ были имъ согрѣты, накормлены и одѣты. Русская письменность получила изъ состава его иноковъ длинный рядъ своихъ выдающихся представителей. Монастырскія стѣны не разъ служили защитой русскимъ людямъ, укрывавшимся за нихъ, въ дни и мѣсяцы вторженій вражескихъ ратей. Въ годы «Разрухи», охватившей «державу Россійскаго царства» въ началѣ XVII столѣтія, Троице - Сергіева Лавра не только кормила и укрывала спасавшійся за ея стѣны народъ, но отразила толпы польскихъ наѣздниковъ, а затѣмъ призвала русскій народъ на подвигъ борьбы съ поляками и «ворами» для спасенія «превеликаго», «царствующаго града Москвы» съ ея святынями, и для спасенія русскаго народа и его національнаго государства, стоявшихъ на краю гибели. И именно къ преп. Сергію погибавшій тогда русскій народъ напряженно взывалъ о помощи и о ходатайствѣ предъ Богоматерью и Христомъ. Именно его святой и прозрачно чистый образъ «святозарна старца» несся тогда передъ ратными стягами русскихъ людей шедшихъ на спасеніе Москвы и Родины. Съ возгласомъ «Сергіевъ» они и бросились въ кровавую сѣчу, рѣшившую спасеніе Россіи.

Прошли страшныя години черной смуты. «Превеликая Россія» успокоилась, залечила свои раны и сильною поступью вступила на путь своего могучаго развитія въ послѣдующее время. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла и Троице-Сергіева Лавра, въ новое время, съ перенесеніемъ въ ея стѣны *Московской Духовной Академіи*, ставшая и первокласснымъ центромъ русской богословской науки.

Но какъ бы ни развивалась въ дальнѣйшее время созданная преп. Сергіемъ Троицкая обитель, надъ всею ея исторіею царить одинъ образъ, образъ ея святого основателя. Почему же это такъ? — Потому что русскій народъ чувствуетъ, если и не всегда ясно опредѣляетъ въ этомъ образѣ нѣчто, что дѣлаетъ его для него особенно дорогимъ и роднымъ. Это нѣчто: самъ прендобный Сергій — свѣча изъ чистаго воска всего лучшаго, что

жило и живетъ въ народѣ, что скончила народная душа и изъ чего она благоговѣйно слила эту свѣчу, какъ свою жертву Богу и свѣтъ для народа, свѣчу горящую чистымъ и ровнымъ свѣтомъ предъ Св. Троицею. Все идеальное, что жило въ народѣ, соединилось въ этомъ драгоцѣнномъ воскѣ: вѣра въ Бога и смиренное служеніе ему во всепоглощающей любви къ Нему, любовь къ Божьему созданію — человѣку, «братолюбіе», «нищелюбіе», забвеніе себя для другихъ, «простота безъ нестро-ты», «правда» и безпредѣльная вѣрность своему «возлюбленному земному отечеству» — Россіи.

И. И. Лаппо.
